

На правах рукописи

Варламова Наталия Владимировна

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
И ЮРИДИКО-ДОГМАТИЧЕСКАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Москва – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки
Институте государства и права Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Рыбаков Олег Юрьевич,

доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Сигалов Константин Елизарович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Должиков Алексей Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы**»

Защита диссертации состоится 1 апреля 2025 г. в 14 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 24.1.058.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук и на официальном сайте Института по адресу: www.igpran.ru

Автореферат разослан « » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Колотова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Человек всегда находился в центре внимания философской мысли. Постигание смысла бытия невозможно без познания сущности человека. Она же со времен Аристотеля усматривается прежде всего в его социальности (Политика. 1278b. 20)¹. Поэтому философия издавна занимается обоснованием надлежащих способов взаимоотношений людей, форм организации человеческого сообщества и положения человека в нем. К эпохе Нового времени эта проблематика выкристаллизовалась в идею прав человека, которая с тех пор занимает едва ли не центральное место в философии вообще и философии права в частности.

Со времени появления первых конституционных актов – конституций американских штатов 1776–1784 гг.² и Конституции Франции 1791 г.³, которым были предпосланы декларации прав, формально-юридическое закрепление прав человека составляет неотъемлемую и важнейшую часть конституционного регулирования, а их надлежащее обеспечение – задачу законодательной, исполнительной и судебной власти.

После Второй мировой войны права человека «вышли» за рамки национальных сообществ, где они изначально обосновывались и утверждались, и стали основой и инструментом конституирования глобального миропорядка. Сегодня права человека находятся в центре мирового политического и морального дискурса, они трансформировали стратегии глобальной политики и превратились, по меткому выражению Р.А. Уилсона, в «архетипический язык» демократического транзита, социальной справедливости, международной ответственности и

---

¹ *Аристотель*. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 454.

² См. об этом: *Еллинек Г.* Декларация права человека и гражданина / Пер. с нем. под ред. А.Э. Вормса. 3-е изд. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1906. С. 11–40, 69–75, 82–86.

³ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 2: Современное государство и право / Под ред. Н.А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2003. С. 97–110.

национальной внешней политики⁴. Одновременно это привело к политизации проблематики прав человека. Они стали не только предметом философских размышлений и юридико-догматического анализа, но и аргументом в политических спорах. Сегодня можно говорить об определенном дефиците собственно юридического исследования прав человека. Диссертация в определенной мере стремится его восполнить. Несомненно, будучи продуктом цивилизации в целом, права человека существенны для всех сфер его социального бытия, но прежде всего они принадлежат миру права и нуждаются в специально-юридическом изучении.

Несмотря на свою очевидную практическую направленность и значимость, борьба за признание и легитимацию прав человека столетиями велась на уровне абстрактных концепций, а не эмпирических доказательств, которые могли бы поддержать или опровергнуть тот или иной теоретический довод⁵. Итогом этой борьбы явилось множество весьма разнообразных трактовок прав человека, ни одна из которых не может претендовать на универсальность и общепризнанность. Концепции прав человека обретают «различные выражения не только в межкультурном диалоге, но и внутри отдельных культур», и ни одна из них не дает однозначного ответа на вопрос о том, что такое права человека и каково их социальное назначение. «Но тот факт, что, размышляя о назначении прав человека, можно предложить множество хороших ответов, не должен отвращать от попытки выдвинуть какой-то свой, еще более качественный ответ»⁶. В свою очередь, накопленное многообразие интерпретаций прав человека требует своего рода теоретической ревизии и систематизации. Надлежащей основой для этого

---

⁴ См.: *Wilson R.A.* The Politics of Truth and Reconciliation in South Africa Legitimizing the Post-Apartheid State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1.

⁵ См.: *Goodale M.* The Myth of Universality: The UNESCO “Philosophers’ Committee” and the Making of Human Rights // *Law & Social Inquiry*. 2018. Vol. 43. Iss. 3. P. 598.

⁶ *Гатманн Э.* Введение // *Игнатъев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 7.

представляется типология правопонимания, призванная некоторым образом упорядочивать все богатство правовой мысли.

Любая трактовка прав человека всегда «вписана» в определенное понятие права в целом, или иначе – любая концепция права всегда определяет себя в том числе и через интерпретацию прав человека. Как справедливо указывает А.В. Поляков, «отношение к проблематике прав человека, понимание природы этих прав, их соотношение с законами природы и законами государства является ключом к решению важнейших научных проблем в области теории права. Их можно рассматривать как своего рода лакмусовую бумагу, позволяющую проверить когерентность той или иной теории права, и как ее (теории права) “визитную карточку”»⁷.

Поэтому комплексное юридическое исследование прав человека должно предполагать их анализ в контексте разных концепций права и объединяющих их типов правопонимания, что позволяет лучше прояснить как различные смыслы, придаваемые правам человека, так и социальные следствия соответствующих правовых теорий и типов правопонимания. Такой анализ не является сугубо схоластическим упражнением. То или иное теоретическое понимание прав человека предполагает соответствующую ему их юридико-догматическую конкретизацию, а отсюда и обуславливает способы и пределы их реализации и защиты. «Как реально исторически, так и теоретически (логически) каждая исторически данная система права включала и включает в себя (явно или латентно) определенную юридическую концепцию человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе»⁸, – подчеркивал В.С. Нерсисянц.

После Второй мировой войны фиксируется повышение значимости прав человека не только в политическом дискурсе, но и в функционировании

---

⁷ Поляков А.В. Права человека в контексте «петражицкианской перспективы» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 47.

⁸ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. С. 311.

национальных правопорядков; они становятся базой для осуществления конституционного (и в целом судебного) контроля за деятельностью законодательной и исполнительной властей, за счет чего обеспечивается конституционализация отраслей права и правовой системы в целом. Конституционный Суд РФ считает конституционализацию «отличительной чертой национальных правовых систем современности», а конституционный контроль – основным каналом ее осуществления⁹. Одновременно и российская, и зарубежная конституционно-судебная практика свидетельствует о том, что «из всех полномочий конституционной юстиции главным ее предназначением на сегодня... является защита основных прав и свобод»¹⁰.

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «осуществляемый им нормоконтроль по самому существу своему гораздо чаще, чем иные виды судопроизводства, соприкасается с глубинными – онтологически («Что есть право?»), аксиологически («В чем ценность права?»), гносеологически («Как познать право?») – вопросами правопонимания»¹¹. При этом Суд стремится «избежать нежелательного разрыва юрисдикционной и академической трактовок одних и тех же правовых явлений»¹². Применительно к правам человека это достигается только посредством постоянного взаимообогащения их теоретических интерпретаций и практики их обеспечения и защиты¹³.

---

⁹ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г. СПб., 2021. С. 3 // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 5

¹² Там же. С. 7.

¹³ В литературе подчеркивается, что актуальной задачей юридической доктрины и практики является формирование российской модели правового положения личности и политики в области прав человека (см.: *Синюков В.Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 75–85).

Именно концепции прав человека во многом определяют развитие теории права, отраслевых юридических наук¹⁴ и юридической практики. Направление этого развития зависит от теоретического понимания прав человека и его юридико-догматической конкретизации.

Таким образом, несмотря на постоянное внимание юридической науки к правам человека, недостаточно разработанными и сохраняющими свою актуальность остается целый ряд проблем, таких как необходимость определенной теоретической ревизии и обобщения существующих концепций прав человека на основе базовых типов правопонимания, обоснование взаимообусловленности теоретико-философской и юридико-догматической интерпретаций прав человека, а также объяснение традиционных юридических понятий и конструкций сквозь призму обеспечения прав человека.

Степень разработанности темы исследования. На протяжении всей истории правовой мысли едва ли можно найти философа или теоретика права, в работах которого в той или иной мере не затрагивалась бы проблематика прав человека. Традиционно большое внимание исследованию прав человека уделяют представители конституционно-правовой, международно-правовой и иных юридических наук.

Основы учения о правах человека были заложены в трудах философов Нового времени, предложивших естественно-договорные теории происхождения государства (Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и др.), и идеологов ранних буржуазных революций (Т. Джефферсона, Э.Ж. Сийеса и др.). В западной правовой мысли XIX – начала XX в. различные аспекты теории прав человека нашли отражение в работах Л. Дюги, Г. Еллинека, О. Конта и др. В российской дореволюционной юридической науке

---

¹⁴ В частности, Н.А. Шевелева отмечает, что в постсоветский период «конституционное право значительно ушло вперед под влиянием доктрин прав человека» (Шевелева Н.А. Административное право до сих пор базируется на советских подходах // Закон. 2024. № 3. С. 9).

проблематика прав человека была представлена в трудах В.М. Гессена, А.И. Елистратова, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева, И.А. Покровского, А.А. Рождественского и др. Внимание к данной теме не ослабевало и в годы советской власти, о чем свидетельствуют работы А.Ф. Евтихиева, Я.М. Магазинера, А.Л. Малицкого и др. Во второй половине XX в. формируется социалистическая теория прав человека, важный вклад в развитие которой внесли Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, Е.А. Лукашева, Н.И. Матузов и др. Среди современных отечественных философов и теоретиков права, уделявших специальное внимание правам человека, следует назвать Л.И. Глухареву, В.Д. Зорькина, А.И. Ковлера, Н.В. Колотову, В.В. Лапаеву, Н.В. Путило, О.Ю. Рыбакова, Л.Р. Сюкияйнена, Е.В. Тимошину и др. Несомненную ценность для теоретического осмысления прав человека имеют работы зарубежных исследователей Р. Алекси, Ч. Бейтца, Р. Дворкина, К. Дузинаса, Ф. Люшера, Ж. Маритена, Дж. Раза, Дж. Ролза, Дж. Финниса, Э. Фиттипальди, С. Фредман, Ю. Хабермаса, К. Янг. Значимые аспекты теории прав человека развиваются в работах отечественных и зарубежных специалистов по конституционному (А. Барака, С.А. Белова, Д.М. Битти, А. фон Богданди, Н.С. Бондаря, Т.А. Васильевой, Л. Вайнриб, Д. Гримма, А.В. Дайси, В. Джексон, А.В. Должикова, Г. Загребельского, В.И. Крусса, В.А. Лебедева, К. Мёллера, И.Д. Левина, М.В. Ташнета, А.А. Троицкой, М. Тропера, К. Хессе, А. Шайо, Д.Г. Шустрова, Б.С. Эбзеева, Н. Эмилиу и др.) и международному (А.Х. Абашидзе, К. Васака, А.С. Исполинова, В.А. Карташкина, Г. Лаутерпахта, Р. Мюллерсона, П. Тацика и др.) праву.

Важные положения для исследования проблематики прав человека содержатся в работах по философии права и теории права и государства как классиков правовой мысли (Н.Н. Алексеева, И. Бентама, А.Д. Градовского, Г.Д. Гурвича, В.П. Даневского, Р. фон Иеринга, И.А. Ильина, Г. Кельзена, Б. Констана, Н.М. Коркунова, Дж. Остина, Е.Б. Пашуканиса, Л.И. Петражицкого, Р. Радбруха, М.А. Рейснера, В.С. Соловьева,

Ф.В. Тарановского, Г.Ф. Шершеневича, К. Шмитта, Л.Л. Фуллера, Г.Л.А. Харта, Б.Н. Чичерина, А.С. Яценко и др.), так и современных исследователей (С.С. Алексеева, М.В. Антонова, С.И. Архипова, Е.В. Булыгина, М.И. Байтина, Ж.-Л. Бержея, Г.Дж. Бермана, А. Валицкого, Д.А. Керимова, И.Ю. Козлихина, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, Б. Леони, Р.З. Лившица, Д.И. Луковской, В.П. Малахова, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, О.В. Мартышина, Б. Мелкевика, В.С. Нерсисянца, А.В. Полякова, Р. Пошера, О. Пферсмманна, К.Е. Сигалова, В.Н. Синюкова, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасова, Ю.А. Тихомирова, В.А. Туманова, Ф.А. фон Хайека, О. Хёффе, И.Л. Честнова, В.А. Четвернина, Л.С. Явича и др.), а также в трудах по философии (Э. Агацци, А. Вебера, Р.П. Вольфа, Л. Витгенштейна, Б.П. Вышеславцева, Х-Г. Гадамера, Г.В.Ф. Гегеля, Г. Гёффдинга, В. Дильтея, И. Канта, И.В. Киреевского, П. Козловски, Т. Куна, О. Кюльпе, Дж.Ст. Милля, К. Поппера, Г. Риккерта, Э.Ю. Соловьева, Г. Спенсера, В.С. Степина, Р. Тарнаса, Л. Штрауса), антропологии (О.Ю. Артемовой, Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, В.А. Тишкова и др.) и политической социологии (Р. Арона, З. Баумана, И. Бёрлина, М. Вебера, Р. Даля, Л. Дюмона, Л. Зидентопа, Ю.М. Лотмана, У. Кимлики, Т. Парсонса, А. Подгурецкого, П.А. Сорокина и др.).

В последние десятилетия защищено значительное количество диссертационных работ, в которых рассматриваются различные аспекты понимания и обеспечения прав человека, такие как: философское и общетеоретическое осмысление прав человека¹⁵, в том числе в контексте различных религиозных, культурных и правовых традиций¹⁶, в условиях

---

¹⁵ См., например: *Амирханов А.А.* Генезис идеи прав человека: Дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006; *Глухарева Л.И.* Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004; *Юнусов А.А.* Общетеоретические проблемы обеспечения прав человека в современной России: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

¹⁶ См., например: *Евсеев Д.В.* Права человека в условиях глобализации и национально-правовые архетипы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; *Диалло Сираба.* Африканская система защиты прав человека и народов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Магомедов А.М.* Права человека в исламском и международном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Максименко В.А.* Права человека в различных правовых системах. Основные

развития новых технологий¹⁷ и международного взаимодействия¹⁸; гарантии и способы защиты прав человека¹⁹; допустимые ограничения прав человека²⁰; специфика регулирования и осуществление отдельных видов прав человека²¹ и конкретных прав²². В некоторых диссертационных исследованиях предпринимаются попытки соотнесения понимания прав человека с представлениями о праве в целом, при этом предлагаются различные классификации типов правопонимания, а концепции прав человека либо не увязываются со спецификой представлений о праве в рамках того или иного

особенности и проблема универсальности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Фоминская М.Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

¹⁷ См., например: *Мушаков В.Е.* Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024.

¹⁸ См., например: *Русинова В.Н.* Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016; *Юсупов Р.М.* Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

¹⁹ См., например: *Анисимов П.В.* Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004; *Гасанов К.К.* Основные права человека: свойства и конституционный механизм защиты: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004; *Ижигов М.Ю.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Коришнова О.Н.* Защита прав человека в современном демократическом государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Рыбаков О.Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005.

²⁰ См., например: *Пчелинцев С.В.* Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006; *Смирнов А.А.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

²¹ См., например: *Аристов Е.В.* Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционное исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Герасименко Н.С.* Институт репродуктивных прав человека в российской федерации: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021; *Должиков А.В.* Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022; *Нестерова Е.М.* Личностные (соматические) права в системе прав человека: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Путило Н.В.* Основы правового регулирования социальных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

²² См., например: *Крусс В.И.* Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004; *Саленко А.В.* Свобода мирных собраний в России и Германии: сравнительное конституционно-правовое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023.

типа правопонимания²³, либо рассматриваются в контексте одного из направлений правовой мысли конкретного периода истории России²⁴, либо обосновывается весьма сомнительная корреляция типов правопонимания с происхождением различных видов прав человека²⁵.

Таким образом, в отечественной и зарубежной юридической науке права человека подвергались всестороннему изучению. Это актуализирует необходимость комплексного анализа и обобщения их теоретических трактовок и практики обеспечения, на что и направлено данное диссертационное исследование.

Объектом диссертационного исследования являются теоретические и юридико-догматические интерпретации прав человека, которые находят свое выражение в правовой доктрине, законодательстве и судебной практике.

Предмет диссертационного исследования образует соотношение типов правопонимания, теоретико-философской и юридико-догматической интерпретаций прав человека.

Целью исследования является разработка теоретически обоснованной и операциональной концепции прав человека, соответствующей их социальному назначению, и ее юридико-догматическая конкретизация.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих взаимосвязанных задач:

- доказать взаимообусловленность типов правопонимания и концепций прав человека;

---

²³ См.: *Александрова С.А.* Правопонимание и права человека: Дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

²⁴ См.: *Киселев Р.В.* Права человека в либеральной правовой мысли и законотворчестве Российской империи в конце XIX – начале XX веков: Дис. ... канд. юрид. наук: Тамбов, 2009.

²⁵ См.: *Живулина Т.Л.* Права человека в современных теориях правопонимания: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

- проанализировать концепции прав человека, характерные для базовых типов правопонимания, и продемонстрировать их социальные и юридико-догматические следствия²⁶;

- выявить современные тенденции в развитии теоретических интерпретаций прав человека;

- определить специфику юридико-догматической интерпретации прав человека;

- выявить и обосновать способы юридико-догматической конкретизации содержания прав человека;

- провести сравнительный анализ исходных понятий, используемых для общей категоризации прав человека, и продемонстрировать их юридико-догматические следствия;

- провести критический анализ существующих классификаций прав человека и обосновать необходимость их систематизации на основе специфики юридической природы различных видов прав, определяемой особенностями образующих их притязаний и адекватных им способов обеспечения и защиты;

- выявить юридическую природу прав человека различных поколений и ее влияние на их юридико-догматическую интерпретацию;

- проанализировать обоснованность выделения новых прав человека и поколений прав.

Научная новизна работы заключается в обосновании взаимообусловленности типов правопонимания, теоретических трактовок прав человека и их юридико-догматической интерпретации, практики обеспечения и защиты. На основе критического анализа концепций прав

---

²⁶ Работа не преследует цель проанализировать все (и даже большинство или наиболее значимые) концепции прав человека и соотнести их с обоснованными типами правопонимания, что очевидно невозможно. Отбор трактовок прав человека, которые были предметом рассмотрения, обуславливался тем, что они являются достаточно типичными для того или иного типа правопонимания и одновременно демонстрируют укладывающееся в его рамки разнообразие подходов.

человека, развиваемых в рамках различных типов правопонимания, предложена теоретическая трактовка прав человека как притязаний на свободу во всем многообразии ее проявлений, адекватная их социальному назначению и поддающаяся операционализации. Обоснованы исходное юридико-догматическое понимание прав человека как принципов права и специфика их функционирования в таком качестве в правовой системе. Выявлены способы юридико-догматической конкретизации содержания прав человека с учетом их «открытого характера». Уточнен смысл ряда традиционных юридико-догматических понятий, связанных с обеспечением прав человека, таких как: субъект права, правовой статус, правоспособность, дееспособность, субъективное право, публично-властное полномочие, законный интерес, принцип права, норма права, эффективность правового регулирования. Разработан авторский вариант систематизации прав человека на основе модифицированной концепции поколений прав человека К. Васака. Выявлена специфика юридической природы прав человека различных поколений. В юридической науке такое комплексное теоретико-философское и юридико-догматическое исследование прав человека ранее не проводилось. Научная новизна диссертации заключается также во введении в научный оборот доктринальных источников, решений органов конституционного контроля зарубежных стран и наднациональных судебных органов по защите прав человека, неизвестных русскоязычному читателю.

Теоретическая значимость работы заключается в обогащении и развитии теории прав человека и теории права в целом посредством систематизации концепций прав человека на основе базовых типов правопонимания, выявления их социальных и юридико-догматических следствий, определения тенденций развития доктринальных интерпретаций прав человека, теоретического обоснования и юридико-догматической конкретизации концепции прав человека, отвечающей их социальному назначению, уточнения смысла целого ряда юридико-догматических понятий.

Содержащиеся в работе выводы и предложения могут быть

использованы в дальнейших разработках теоретико-философских и юридико-догматических проблем, связанных с пониманием и обеспечением прав человека, а также в учебном процессе при преподавании курсов философии права, истории политических и правовых учений, истории и методологии юридической науки, теории права и государства, конституционного и международного права, различных специальных курсов (конституционного правосудия, защиты прав человека, юридической аргументации и др.).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при совершенствовании правового регулирования и правоприменительной практики в сфере обеспечения прав человека.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологию диссертационного исследования образует совокупность общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов исследования.

Диалектический метод позволил установить взаимообусловленность типов правопонимания и концепций прав человека, а также зависимость юридико-догматической интерпретации и практического обеспечения прав человека от их теоретического обоснования.

В целях изучения различных концепций прав человека использовался метод интерпретации (включающий проблемно-теоретическую реконструкцию)²⁷, предполагающий выявление интерсубъективного смысла правовых идей, сопряженное с их актуализацией и оценкой. Кроме того, для анализа различных подходов к пониманию прав человека были задействованы формально-логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.).

Исторический метод применялся при изучении памятников права, в которых осуществлялась позитивация прав человека, а также для определения

---

²⁷ См.: Луковская Д.И. Теоретико-методологические проблемы истории политических и правовых учений: Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1986.

направлений эволюции подходов к пониманию и обеспечению прав человека. Структурно-функциональный метод использовался при построении системы прав человека.

В работе широко представлена сравнительно-правовая методология в сочетании синхронного и диахронного сравнения, которая привлекалась как для сопоставления различных теоретических концепций прав человека, так и для выявления особенностей их юридико-догматической конкретизации, позитивации и защиты в различных национальных правовых системах и на международном и наднациональном уровнях.

Юридико-догматический и формально-логические методы использовались в процессе работы с текстами конституций, законов, иных нормативных правовых актов, решений органов конституционного контроля, а также международно-правовых актов и решений международных и наднациональных органов по защите прав человека.

Теоретическую основу исследования образуют труды отечественных и зарубежных ученых по философии, социологии, антропологии, философии права, теории права и государства, международному праву, конституционному праву и другим отраслевым юридическим наукам.

Нормативную базу исследования составляют Конституция, законы и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, конституции, законодательство и правовые позиции органов конституционного контроля зарубежных стран, международно-правовые акты и правовые позиции международных и наднациональных органов по защите прав человека.

Положения, выносимые на защиту.

1. Комплексное юридическое исследование прав человека предполагает выявление базовых подходов к их пониманию, развиваемых в истории правовой мысли, и систематизацию на их основе разнообразных концепций прав человека; установление взаимных корреляций между представлениями о праве в целом и трактовками прав человека, а также между теоретическими и

юридико-догматическими интерпретациями прав человека; определение практических следствий различных теоретических и юридико-догматических интерпретаций прав человека. В результате такого сравнительного анализа возможно формирование операциональной теоретической концепции прав человека, отвечающей их социальному назначению, и ее юридико-догматическая конкретизация, которая, в свою очередь, обуславливает необходимость переосмысления или уточнения целого ряда традиционных юридико-догматических понятий. Таким образом, достигается согласованность теории права и теории прав человека, юридической догматики и юридико-догматической конкретизации прав человека.

2. Надлежащим основанием для систематизации различных концепций прав человека выступает тип правопонимания, который определяет принципиальные подходы к теоретическому познанию и объяснению права в целом и истолкованию любой юридической категории более частного порядка, в том числе и прав человека. На протяжении всей истории правовой мысли можно выделить два базовых типа правопонимания – позитивистский и непозитивистский. Различие между ними проводится с точки зрения гносеологии и аксиологии. Специфика их онтологии либо незначима, либо зависит от познавательных и ценностных установок. В конечном счете разница между типами правопонимания заключается в наличии (непозитивизм) или отсутствии (позитивизм) содержательных требований к правопорядку и образующим его нормам.

3. Различие между позитивистским и непозитивистским типами правопонимания существенно и непреодолимо. Попытки его элиминации в рамках неклассической рациональности и интегральных (интегративных) подходов к пониманию права нельзя признать успешными. Все неклассические концепции права в конечном счете оказываются разновидностями социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философии. Более того, эпистемологические установки неклассической рациональности,

ориентированные на идеографическую методологию, отказ от поиска закономерного, универсального, всеобщего, будучи положенными в основу понимания права, ведут к неизбежной утрате им своих качеств формального и абстрактного регулятора, и правовое регулирование лишается какого-либо смысла, поскольку его принцип и цель – правовая определенность – подменяется абсолютизацией уникальности конкретных социальных практик, индивидуализированной справедливостью, релятивизмом, плюрализмом и контекстуализмом.

4. Каждый из двух типов правопонимания предполагает определенное представление о правах человека, хотя конкретные концепции прав человека, разрабатываемые в его рамках, могут отличаться некоторой вариативностью. Причем концепции прав человека, соответствующие тому или иному типу правопонимания, раскрывают его подлинный смысл и практические следствия, которые часто остаются завуалированными в теоретических построениях более общего характера. Между типами правопонимания и концепциями прав человека существует очевидная и устойчивая корреляция. Попытки интегрировать сущностно различные подходы к пониманию прав человека в теории ведут к завуалированной апологетике одного из них, а на практике – к эклектичным конструкциям, реализация которых оказывается весьма затруднительной.

5. Права человека нуждаются в теоретическом юридическом обосновании. Все теоретические проблемы, оставленные нерешенными в процессе позитивации прав человека, неизбежно проявятся на практике. Неотрефлексированность оснований признаваемых за человеком прав не позволяет обеспечить их когерентность и необходимые корреляции, а также предсказуемость защиты тех или иных притязаний в рамках формально гарантируемого права. Одновременно теоретическое обоснование прав человека с необходимостью требует его юридико-догматической конкретизации, а для этого теоретическое понятие прав человека должно поддаваться операционализации.

Юридическая интерпретация прав человека должна осуществляться в двух направлениях: с одной стороны, теоретическое раскрытие их юридического содержания в сопоставлении с иными (религиозными, нравственными, политическими, социологическими и др.) трактовками и его юридико-догматическая конкретизация (формулирование требований к позитивному правовому регулированию и организации государственной власти, вытекающих из принципа верховенства прав человека), а с другой – теоретическое обобщение и осмысление современной практики правового регулирования (позитивации и защиты прав человека). Подтверждение теоретических выводов юридической практикой и последовательное теоретическое обоснование преобладающей практики позволяет говорить об адекватности и юридической значимости осуществленной интерпретации.

6. Юридический позитивизм не признает надпозитивный характер прав человека, они рассматриваются как октроированные государством (классический легизм), обществом (социологический позитивизм) или производные от установленного правопорядка (неолегизм). Права человека – это лишь предоставляемые ему поведенческие возможности, причем в ряде концепций (советский легизм, солидаризм, евразийство (Н.Н. Алексеев), в некоторой мере психологическая концепция Л.И. Петражицкого) не только для реализации его собственных воли и интересов, но и в общественном интересе, в целях выполнения возложенных на него социальных функций и юридических обязанностей. В предельных случаях (О. Конт, А.Г. Дугин) это ведет к полному отрицанию наличия у человека каких-либо прав по отношению к государству и обществу, перед которыми у него есть только обязанности. Таким образом, в позитивистских трактовках права человека утрачивают свое социальное предназначение – служить человеку защитой, в том числе и от государства, общества и позитивного правопорядка. Другими словами, доктрина прав человека и юридический позитивизм несовместимы: в рамках юридического позитивизма не может быть доктрины прав человека;

признание прав человека с необходимостью требует отказа от позитивистских представлений о праве.

7. В непозитивистских интерпретациях права человека не производны от позитивного (волеустановленного) права, присущи человеку в силу самой его природы и являются ее манифестацией в социальной жизни, поэтому и требуют признания и защиты. Права человека предшествуют (если не исторически, то логически) позитивному правопорядку, определяют (должны определять) его содержание и выступают критерием оценки его справедливости. Практическое социальное назначение прав человека в конечном счете заключается в возможности противопоставления охватываемых ими притязаний позитивному правопорядку в выдвижения требований его необходимого переустройства.

8. Изначально в непозитивистское понимание прав человека, развивавшееся философами Нового времени в естественно-договорных теориях происхождения государства, была заложена либеральная интенция, получившая наиболее последовательное выражение в концепции Дж. Локка.

В отечественной правовой мысли к локковской традиции восходит интерпретация прав человека, которая обосновывается в рамках либертарной концепции права В.С. Нерсесянца. Права человека здесь рассматриваются как притязания на свободу – возможность самостоятельно (без внешнего принуждения) определять свое поведение, а также на защиту своей свободы от нарушений со стороны частных лиц и органов публичной власти. Права человека как воплощение формальной свободы универсальны (в силу единства природы всех людей) и обеспечивают людям разнообразие их социального положения, являющегося результатом их свободного (формально свободного) выбора.

Представление о свободе как естественном и неотъемлемом атрибуте каждого человека позволяет выделить объективный критерий необходимого в каждом сообществе ее ограничения. Им выступает свобода других членов сообщества. В либертарной трактовке права человека неразрывно соединены

с ограничениями, обязанностями и ответственностью, что заложено в самом исходном понимании права как меры свободы. Однако единство прав и обязанностей в либертарной концепции коренным образом отличается от обосновываемого позитивизмом (например, в классическом легизме, у Г. Кельзена или Л.И. Петражицкого), поскольку в данном случае первичным является именно право как притязание на свободу, а обязанности обусловлены правами и обеспечивают их реализацию. С точки зрения либертарной концепции каждое отдельное право человека является лишь конкретизацией, «развертыванием» изначально присущей человеку свободы, поэтому права человека не могут обеспечиваться избирательно.

Либертарное понимание прав человека операционально, оно придает им собственно юридическое значение, предполагает их верховенство в правовой системе и реальное регулятивное воздействие на общественные отношения.

9. В рамках естественно-правовой школы религиозное обоснование естественного характера прав человека кажется наиболее очевидным. Необходимость надлежащего обращения с человеком, предполагающего уважение его достоинства и прав, является безусловным следствием его сотворения по образу и подобию Божию. Именно божественное происхождение прав человека наглядно объясняет их непроемкость от светской власти и неотчуждаемость. Общеизвестно религиозное происхождение прав человека в качестве политических притязаний. Однако права человека не являются религиозными в своей основе. Напротив, их обоснование свидетельствует о десакрализации социальных отношений, привнесении в их организацию принципов римского права, которые в том числе стали распространяться и на религиозное самоопределение человека (признание свободы совести), что было одной из самых актуальных проблем того времени. Религиозные истоки прав человека обусловлены тем, что в Средние века религиозное сознание было столь всеобъемлющим, что юридическое мировоззрение могло утвердиться не в противоборстве с ним, а только внутри него.

Современные религиозные учения о правах человека, опираясь на постулаты соответствующей веры, как правило, приобретают вид своеобразного ответа на их светские трактовки, прежде всего выраженные в международно-правовых документах, солидаризуясь с ними в отдельных аспектах и (или) противопоставляя им свое видение прав человека. При этом права человека рассматриваются как производные от общего блага и направленные на его достижение, а не на обеспечение индивидуальной свободы. Естественность и неотчуждаемость прав человека является следствием их божественного установления, а не содержания воплощенных в них притязаний, что в определенной мере нивелирует непозитивистский характер религиозных представлений о правах человека.

10. Современные светские естественно-правовые концепции прав человека, как правило, рассматривают их как притязания на надлежащее с точки зрения некоторой универсальной или партикулярной (признаваемой тем или иным сообществом) морали обращение со стороны государства и общества. Права человека в данном случае трактуются как составляющие общего блага, тесным образом связанные с обязанностями человека по отношению к другим людям и обществу в целом, которым придается первичное значение.

Моральное обоснование прав человека неизбежно сталкивается с проблемой этического скептицизма (морального релятивизма), отрицающего существование или, по меньшей мере, возможность рационального познания универсальной морали. Попытки сформулировать ее фундаментальные принципы (например, у Дж. Финниса) порождают множество столь же хорошо аргументированных возражений, а иногда и ценностно-эмоциональное отторжение. Кроме того, «универсальные» моральные ценности и требования практической разумности Дж. Финниса абстрактны и неоперациональны, что предполагает большую вариативность их практической реализации в жизни конкретных людей и сообществ. Это придает его пониманию естественных прав черты социологического позитивизма. По сути, социолого-

позитивистской является и концепция Р. Дворкина, который выводит права человека из позитивной морали, присущей конкретному обществу и отражающей общие устоявшиеся представления ее членов, находящие выражение в том числе в законах и иных правовых установлениях. У Р. Алекси не права человека выводятся из общезначимой морали, а мораль определяется правами человека, которые, в свою очередь, устанавливаются дискурсивно, т.е. правами человека является то, что договорились считать таковыми. Таким образом, этические концепции прав человека в конечном счете редуцируются к их социолого-позитивистским интерпретациям, что является неизбежным следствием проблематичности универсальной морали.

11. Для современных трактовок прав человека, развиваемых на стыке этических и социолого-позитивистских представлений, характерна деэссенциализация прав; за правами человека не признается какая-либо сущностная специфика, они ни содержательно, ни формально не отличаются от любых интересов и потребностей, которые могут быть признаны (а равно и не признаны) правами. При предельной субъективизации понимания прав человека (например, у К. Дузинаса) в качестве них призывают рассматривать любые индивидуальные потребности и притязания конкретного человека. Но более распространены политические, функциональные, институциональные и т.п. концепции прав человека, в рамках которых права человека трактуются как производные от существующих институциональных механизмов и процедур их защиты. В данном случае акцентируется не характер и содержание образующих право притязаний, а обеспечивающие их институты. Таким образом, не сущность прав человека определяет требования к институциональной структуре политического сообщества, а, напротив, эта структура и предоставляемые ей способы защиты тех или иных притязаний конституируют права человека.

Одновременно такое понимание прав человека ведет к их десубъективизации. Институциональные права не принадлежат человеку в силу его человеческой природы, напротив, они как бы «создают человека» в

качестве субъекта прав посредством признания его их носителем. Человек при этом выступает не как активно притязующее лицо, требующее признания и уважения «своего права», а как объект заботы и защиты со стороны государства и общества. Данный подход позволяет атрибутировать права не только людям, но и животным, различным природным объектам, природе в целом, будущим поколениям и т.п. Однако изначальный смысл и социальное назначение прав человека при этом утрачиваются.

12. Права человека закрепляются в конституционных и международно-правовых актах в достаточно общих, абстрактных формулировках, не позволяющих сделать однозначный вывод о содержании образующих их притязаний. Такой «открытый характер» прав человека, являющийся следствием и проявлением их надпозитивности, предопределяет невозможность использования в процессе применения конституционных и международно-правовых актов традиционных юридико-догматических способов их толкования. В процессе толкования актов о правах человека всегда происходит определение их содержания применительно к конкретной ситуации их реализации. Такое толкование предполагает не уяснение смысла нормы, а как бы ее создание, конституирование ее значения.

В судебной практике используются два способа установления содержания того или иного права человека – категоризация и тест на пропорциональность. Оба они в конечном счете лежат в русле аналогии права, когда обращаются к общему смыслу и социальному назначению права, теоретическим представлениям о правах человека. Категоризация права предполагает выявление его общего смысла (целевого назначения), основных элементов содержания и сущности – так называемого ядра, которое определяет минимальные гарантии обеспечения права и безусловный предел его оправданных ограничений. Тест на пропорциональность представляет собой в той или иной мере формализованную процедуру проверки обоснованности установленных ограничений прав человека, исходя из принципа соразмерности. Категоризация и тест на пропорциональность тесно

взаимосвязаны, и суды обычно обращаются к каждому из этих способов обоснования решения.

Однако ни опора на нормативный текст (конституции или международно-правового акта), ни доктринальная категоризация прав человека, ни тест на пропорциональность не могут полностью снять неопределенность в понимании прав человека, обусловленную их надпозитивностью и постоянной эволюцией форм и способов социального взаимодействия.

13. Общая категоризация прав человека может базироваться на двух родовых понятиях – ценности и принципа.

Ценность, в том числе социальная ценность, фиксирует положительную оценку и безусловную значимость для субъекта какого-либо объекта. Признание чего-либо ценностью всегда субъективно и не зависит от объективной полезности объекта оценки. Приверженность ценности носит абсолютный характер и не допускает ее умаление. Ценность определяет конечную цель деятельности, но не предлагает критериев легитимности используемых для ее достижения средств, кроме их эффективности. Современному обществу присущ плюрализм ценностей, все функционирующие в нем ценности неуниверсальны и относительны. Все это обуславливает весьма небольшой регулятивный потенциал ценностей. Характерная для современного юридического дискурса ценностная интерпретация различных юридических категорий, в том числе и прав человека, нивелирует их собственно юридическое значение и порождает немало проблем на практике, в частности, существенно осложняет использование теста на пропорциональность для определения допустимых ограничений прав человека.

Юридизация ценности возможна при ее трансформации в принцип, что предполагает ее рационализацию, формализацию и нивелирование собственно оценочного компонента.

14. Права человека представляют собой принципы права, понимаемые как нормы права наиболее общего абстрактного характера. Принципы, в отличие от правил, четко указывающих на определенные юридические последствия, которые должны наступить при предусмотренных в них условиях, устанавливают только основы для формулирования конкретных правил; выраженные в принципах требования должны быть реализованы в максимально возможной мере. Принципы права, в том числе и права человека, не производны от предписаний позитивного права (не являются их обобщением) и имеют собственно юридический, а не моральный характер. Такое понимание прав человека как принципов права обосновывается в рамках либертарной концепции права. В данном случае все принципы права производны от принципа формального равенства как равенства в свободе и являются его конкретизацией применительно к регулированию тех или иных отношений. По сути, все принципы права – это права человека или принципы, обеспечивающие их гарантии, реализацию и защиту (соответствующие принципы институциональной организации публичной власти, правотворчества и правоприменения). Таким образом достигается когерентность принципов права и преодолевается их рассогласованность и возможная противоречивость, как это имеет место при их моральном истолковании, например, в концепциях Р. Дворкина и Р. Алекси.

Права человека, выступая основополагающими принципами права, определяют все правовое регулирование и воплощают в себе диалектическое единство права в объективном и субъективном смысле как проявлений единой сущности права, выраженной в принципе формального равенства. Такое понимание права и прав человека позволяет уточнить содержание и соотношение целого ряда базовых юридических понятий (объективное право, субъективное право, субъект права, правовой статус, правоспособность, дееспособность, публично-властное полномочие, законный интерес, эффективность правового регулирования).

15. Большинство известных классификаций прав человека не базируется на сущностных критериях. Систематизация прав человека проводится исходя из хронологической последовательности и способов их юридического закрепления, специфики их субъектов, сфер и порядка реализации.

На основе сочетания сущностного и хронологического критериев К. Васаком были выделены три поколения прав человека. При этом обозначенная им хронологическая последовательность признания прав человека разных поколений на национальном и международном уровнях подтверждается исторически не в полной мере, а в число прав третьего поколения включаются различные морально-политические требования, которые не могут считаться правами человека в собственно юридическом смысле.

В модифицированном виде классификация прав человека по трем поколениям исходя из специфики юридической природы различных прав (характера образующих их притязаний) может быть представлена следующим образом:

- права первого поколения – естественные неотчуждаемые права человека, выражающие различные проявления индивидуальной свободы, обеспечение которых предполагает наличие безусловных юридических гарантий пользования ими;

- права второго поколения – социальные права человека, выражающие притязания на достойный уровень жизни, обеспечение которых предполагает активную социальную, прежде всего перераспределительную, политику государства, направленную на предоставление населению (или отдельным группам и слоям населения) определенного набора социальных выплат, услуг и помощи;

- права третьего поколения – коллективные права социальных общностей, направленные на обеспечение юридизации их взаимоотношений.

Для данной классификации, в отличие от подхода К. Васака, хронологический критерий не является значимым. Она акцентирует не

историческую, а логическую (в смысле формирования и заявления соответствующих притязаний) и юридическую взаимосвязь разных поколений прав человека: естественность, неотчуждаемость, безусловность и приоритетность обеспечения прав первого поколения; необходимость предоставления в этих целях прав второго поколения; использование конструкций прав первого и второго поколений для юридизации взаимодействия социальных общностей (права третьего поколения).

Предложенная классификация охватывает все существующие права человека, в том числе и новые права человека, которые актуализируются в связи с развитием современных технологий и изменением форм и способов социального взаимодействия.

16. Права второго поколения (социальные права) в отличие от прав первого поколения выражают притязания не на формальную свободу, а на социальную защиту – предоставление социальных льгот, услуг и выплат, обеспечиваемое за счет перераспределительной политики государства, поэтому они не могут рассматриваться как естественные и неотчуждаемые. Изначально это не субъективные права, а объективные обязанности государства, выполнение которых находится в зависимости от состояния экономики и соображений социальной целесообразности. Социальные права предоставляются государством, и претендовать на них можно лишь в той мере, в какой это установлено конституцией и законами. Социальные права, закрепленные в конституциях и международно-правовых актах, обладают весьма специфической юстициабельностью, которая в основном сводится к возможности оспаривания в органах конституционного контроля (и в международных и наднациональных судебных и квазисудебных органах) положений законодательства, не соответствующих выраженным в них принципам и требованиям.

Социальные права обосновываются нравственными соображениями и выводятся из четырех базовых притязаний, лежащих в основе прав первого поколения, – на свободу, на уважение человеческого достоинства, на

равенство и на безопасность, каждое из которых в их рамках получает свои материальные гарантии. Таким образом, социальные права призваны обеспечивать фактические возможности пользоваться правами первого поколения, но одновременно всегда предоставляются за счет их ограничения.

Гарантируя социальные права и принимая на себя соответствующие обязательства, государство «перекладывает» их исполнение на частных лиц прежде всего через систему прогрессивного налогообложения, посредством которой в руках государства аккумулируются необходимые денежные средства, а также в ряде случаев (например, в трудовых отношениях) требуя от так называемой сильной стороны в правоотношениях предоставлять слабой стороне определенные социальные льготы и преимущества. Таким образом, социальные права обеспечиваются обществом в целом и выражают и институционализируют идею социальной солидарности. Государство выступает инструментом принудительного обеспечения социальных прав и одновременно инстанцией, определяющей их объем и условия предоставления.

Содержание социальных прав весьма неопределенно, оно «подвижно», «ситуативно», зависит как от обстоятельств конкретного лица (социальной группы), так и от общего контекста их осуществления – от множества политических, экономических, демографических, социокультурных факторов и находится в постоянной эволюции. Поэтому юридико-догматическая категоризация социальных прав вряд ли возможна как на доктринальном уровне, так и в практике органов конституционного контроля (и международных и наднациональных судебных и квазисудебных органов). Применительно к социальным правам речь может идти лишь о формировании общих подходов к обоснованию оправданности тех или иных притязаний, надлежащих способов, форм и пределов их обеспечения, вырабатывая которые, суды опираются на общеправовые принципы равенства, соразмерности, правовой определенности.

17. Права третьего поколения опосредуют отношения между устойчивыми

естественно-исторически сложившимися сообществами, прежде всего этническими. Они призваны юридизировать эти отношения посредством своего рода экстраполяции на них прав человека первого и второго поколений. Права третьего поколения выражают притязания человека на свободу социальной самоорганизации, коллективного самоопределения.

К правам третьего поколения относятся право нации (этнической общности) на самоопределение (внутреннее или внешнее); право нации на историческую родину, т.е. на самоопределение на территории, с которой исторически связано ее формирование; право народа на сопротивление правонарушающей власти, т.е. установлению такого порядка, при котором в рамках действующих конституции и законов в принципе невозможно добиться реализации и защиты прав и свобод; право народа на экономическое и социальное развитие, предполагающее обязанность экономически успешных стран оказывать помощь в социально-экономическом и культурном развитии тем народам, которые по ряду причин живут в условиях, не соответствующих современным представлениям о человеческом достоинстве.

Юридический характер прав третьего поколения не вполне очевиден. Они плохо поддаются юридико-догматическому истолкованию и не обеспечены действенными юридическими гарантиями. Права третьего поколения выражают лишь стремление к юридическому истолкованию межнациональных (международных) отношений, что свидетельствует об отказе от сугубо силового подхода к разрешению возникающих конфликтов и выступает способом легитимации их результатов. Эта же идея лежит в основе непозитивистского понимания прав человека, и права в целом.

Степень достоверности результатов исследования. Результаты проведенного исследования являются достоверными и обоснованными, что подтверждается адекватностью исходных теоретических посылок; соответствием избранной методологии объекту, предмету и цели исследования; многообразием использованных методов исследования; всесторонним и глубоким изучением и применением при написании

диссертации основополагающих трудов отечественных и зарубежных ученых по философии, социологии, антропологии, философии права, теории права и государства, отраслевым юридическим наукам; анализом большого количества нормативных правовых актов и решений органов конституционного контроля России, Германии, Израиля, Испании, Италии, Канады, Польши, Соединенных Штатов Америки, Франции, Швейцарии, Южно-Африканской Республики, а также международно-правовых актов и решений международных и наднациональных органов по защите прав человека.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите в секторе прав человека Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН). Основные положения и выводы, содержащиеся в работе, отражены в научных публикациях автора; использованы в процессе преподавания учебных курсов «Философия права», «Актуальные проблемы теории права», «Теория и практика защиты прав человека» в магистратуре Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и учебных курсов «Методология юридического научного исследования», «Проблемы теории права и государства», «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право», «Актуальные проблемы публичного права» в аспирантуре ИГП РАН; апробированы на международных, всероссийских и региональных научных конференциях и круглых столах, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Воронеже, Минске (Беларусь), в частности, на ежегодных Философско-правовых чтениях памяти академика В.С. Нерсесянца в ИГП РАН, Кутафинских чтениях в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Всероссийских собраниях теоретиков права и Международных конгрессах сравнительного правоведения в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, всероссийских конференциях с

международным участием «Право между Востоком и Западом» в МГИМО МИД России, международных форумах «Право будущего» в ИНИОН РАН, Уральских форумах конституционалистов в Уральском государственном юридическом университете имени В.Ф. Яковлева.

Структура работы predetermined целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, объединяющих 26 параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, обосновываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуется используемая методология, теоретическая основа и нормативная база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, устанавливается степень достоверности результатов исследования и приводятся сведения об их апробации.

В **главе 1 «Методологические основания теоретического исследования прав человека»** определяются базовые исходные посылки предпринятого исследования.

В *параграфе 1.1 «Тип правопонимания как парадигма юридической науки»* обосновывается значение типологии правопонимания для теоретического познания прав человека. Тип правопонимания как наиболее общее и концентрированное представление о сущности и назначении права выполняет в юридической науке функцию парадигмы, поскольку до выяснения вопроса о том, что такое право вообще, невозможно определить научное содержание правовых понятий более частного характера, в том числе и прав человека. При этом для юридической науки, как и для других социальных наук, характерна не смена парадигм, а их конкуренция. На

протяжении всей истории правовой мысли мы наблюдаем различные типы правопонимания, расхождение между которыми существенно и непреодолимо.

В параграфе 1.2 «Типология правопонимания и попытки ее преодоления в рамках неклассической рациональности» доказывается, что все концепции права в конечном счете могут быть соотнесены с двумя базовыми типами правопонимания – позитивистским и непозитивистским. Различия типов правопонимания прослеживаются в каждой из составляющих философии права – гносеологии, аксиологии и онтологии, хотя соответствующие корреляции не являются жесткими и однозначными и специфика онтологии менее значима и во многом производна от исходных познавательных и ценностных установок.

Позитивизм основывается на эмпирической гносеологии, выводя знание о праве и его обязательность из фактов, в той или иной степени доступных опытному восприятию. Непозитивизм допускает априорные, умозрительные построения, спекуляции чистого разума и стремится к постижению первопричин и сущности права, целостному, абсолютному знанию о нем. Позитивистская аксиология утверждает ценность порядка, а непозитивистская – выдвигает содержательные требования к порядку, который должен быть справедливым. Дальнейшая диверсификация позитивистского типа правопонимания осуществляется за счет конкретизации и редуцирования способов бытия права (т.е. в контексте онтологии права), а непозитивистского – посредством обоснования критериев справедливости устанавливаемого правом порядка (т.е. в контексте аксиологии права). В позитивистском правопонимании выделяются легистские, неолегистские (нормологические), психологические и социологические концепции права, а в непозитивистском – естественно-правовые и либертарная концепции.

Несмотря на разнообразие позитивистских представлений о праве, все они усматривают его специфику не в содержании образующих его норм, а в их принудительности, независимо от того, чем она обеспечивается –

государственной властью, социальным признанием, психическим переживанием. Все непозитивистские концепции права стремятся дать содержательное обоснование справедливости устанавливаемого правом порядка (что, собственно, и оправдывает его принудительность), и в этом их основное отличие от позитивизма. Естественно-правовой школе не удалось выработать общепризнанного и операционального понятия справедливого порядка. Все предлагаемые трактовки справедливости не поддаются переводу в юридико-догматические категории и конкретные правила поведения и в конечном счете ведут к признанию справедливым того, что полагает таковым конкретный человек или властная инстанция, действующая в рамках существующего позитивного правопорядка. Наиболее последовательной (логически непротиворечивой) и адекватной реально существующим правопорядкам представляется трактовка справедливости как формального равенства в свободе, обосновываемая в рамках либертарно-юридической концепции права В.С. Нерсесянца.

Попытки преодоления дихотомии позитивистского и непозитивистского типов правопонимания посредством выдвижения интегративных или интегральных (в рамках неклассической рациональности) концепций права нельзя признать удачными, поскольку все они в конечном счете оказываются социолого-позитивистскими. Именно социологический позитивизм позволяет подвести под понятие права наиболее широкий круг социальных явлений и интегрировать разнообразные его формальные проявления – юридические тексты, правоотношения, правосознание, признавая их в равной (или в той или иной) мере значимыми для его конституирования. Все содержательные характеристики права при этом элиминируются.

В параграфе 1.3 «Формирование юридических понятий в контексте различных типов правопонимания: базовые подходы» показаны специфика и недостатки каждого из существующих подходов. Непозитивистские понятия нацелены на выявление сущности (специфики, смысла) правовых явлений, но часто оказываются неоперациональными, а потому малополезными с

практической (юридико-догматической) точки зрения. Сложность содержательного определения юридических понятий побуждает позитивистов оперировать исключительно формальными определениями, даваемыми на основе анализа норм позитивного права. Однако теоретическая ценность вырабатываемых ими понятий невелика. Сторонники неклассической рациональности также отказываются от эссенциалистского подхода к определениям, признавая за ними исключительно конвенциональное, утилитарное значение, а вместе с этим и от устоявшейся юридической терминологии, придавая используемым терминам свой собственный «неклассический» смысл и не претендуя даже на адекватное отражение нормативных текстов или социально-правовых практик, что весьма затрудняет научный дискурс о праве, если вообще не делает его невозможным. В диссертации обосновывается, что задача непозитивистской юриспруденции заключается в выработке содержательных и вместе с тем операциональных юридических понятий.

В параграфе 1.4 «Теоретическое обоснование прав человека как необходимое условие их надлежащего правового регулирования и практического обеспечения» доказывается, что все концепции прав человека соотносятся с одним из двух базовых типов правопонимания – позитивистским или непозитивистским. Предлагавшиеся различными исследователями интегративные интерпретации прав человека (в диссертации проанализированы синтетические концепции М.М. Ковалевского и Ж. Маритена), в конечном счете оказываются их трактовкой в контексте одного из интегрируемых направлений правовой мысли. При этом концепции прав человека не просто производны от теоретических представлений о праве, развиваемых в рамках того или иного типа правопонимания, но и выступают своего рода индикатором их социальных последствий.

Практическое обеспечение прав человека требует их теоретического обоснования. Все теоретические проблемы, связанные с пониманием прав человека, «оставленные за скобками» в процессе их позитивации, будь то на

международном или конституционном уровнях, неизбежно проявятся на практике, существенно осложняя обеспечение провозглашенных прав. Равным образом и непроясненность оснований конкретных прав человека, признаваемых в судебных решениях, снижает уровень предоставляемых гарантий и предсказуемости дальнейшей судебной практики. Согласованность нормативного регулирования и правоприменительной практики невозможна, если она не базируется на определенном понимании прав человека, получившем надлежащую юридико-догматическую конкретизацию.

В главе 2 «Позитивистские интерпретации прав человека» рассматриваются концепции прав человека, развиваемые в рамках различных направлений юридического позитивизма.

В параграфе 2.1 «Легистские трактовки прав человека» показано, что все они в конечном счете производны от представлений о праве как требовании должного поведения, что предопределяет первичность обязанностей в правовом регулировании и несамостоятельный (производный, относительный, «отраженный») характер субъективных прав. Такое понимание соотношения прав и обязанностей характерно как для классического легизма (И. Бентам, Дж. Остин), так и для неолегизма (Г. Кельзен, Г. Харт). В частности, конституционные права трактуются лишь как установленный конституцией запрет для законодательного органа издавать нарушающие их законы (Г. Кельзен, Е.В. Булыгин). Таким образом, в легизме нет места для самостоятельного феномена прав человека. Одновременно легизм устраняет и специфическое понятие субъекта права как лица, притязающего на их обеспечение, сводя его к персонифицированному комплексу правовых норм (Г. Кельзен), приему юридической техники (Г.Ф. Шершеневич), созданной волей правопорядка способности (Г. Еллинек).

В советском легизме представления о производности прав человека от позитивного права и установленных им обязанностей получили дальнейшее развитие. Предоставленная и гарантированная государством возможность определенного поведения рассматривалась здесь не только как право, но и как

обязанность человека, ибо она обеспечивается ему для достижения каких-либо преследуемых властью целей (А.Л. Малицкий, Л.Д. Воеводин). Такие идеи, вполне соответствующие марксистской доктрине, находили свое выражение и в советских конституциях и законах.

В параграфе 2.2 «Права человека в учениях солидаристов и евразийцев» продемонстрировано, что в рамках данных направлений правовой мысли наиболее отчетливо проявляется характерное для целого ряда социолого-позитивистских концепций обоснование обусловленности прав человека его обязанностями (социальными функциями, ответственностью перед обществом и т.п.).

Французские солидаристы (О. Конт, Л. Дюги) исходили из того, что человек всегда является лишь частью какой-либо группы, члены которой соединены узами социальной солидарности. Солидарность есть истинное основание права, которое устанавливает для каждого члена общества социальную обязанность исполнять возложенную на него социальную функцию. Предоставляемые ему для этого возможности и могут быть интерпретированы как права человека. Но в целом солидаристы стремились отказаться от концепции субъективных прав, считая ее метафизической.

Воззрениям солидаристов созвучны представления евразийцев о внутреннем, органическом сочетании права и обязанности – правообязанности, где свобода соединена с повиновением и понимается как свобода принадлежности к целому (Н.Н. Алексеев). Современные евразийцы отрицают даже такие представления о правах, утверждая, что у человека есть лишь обязанности перед государством (А.Г. Дугин).

В параграфе 2.3 «Права человека в психологической теории Л.И. Петражицкого» на основе анализа разрозненных и порой противоречивых высказываний, содержащихся в его работах, проводится реконструкция представлений ученого о правах человека. На первый взгляд вся теория права Л.И. Петражицкого строится на базовом концепте прав человека. Право для него – это императивно-атрибутивные психические

переживания людей. При этом императивная составляющая правового переживания (обязанность) у него обусловлена притязанием и решающее значение имеет именно предоставление удовлетворения управомоченному лицу, а не исполнение обязанности само по себе. Л.И. Петражицкий обосновывал неоктроированность (непроизводность от позитивного права) и безусловность, по крайней мере, некоторых базовых интуитивно-правовых убеждений (например, о недопустимости пыток, истязаний, квалифицированной смертной казни, торговли людьми). Такие психические убеждения могут быть уподоблены правам человека.

Но одновременно Л.И. Петражицкий рассматривал притязание как закрепленный за управомоченным лицом долг другого участника правоотношения. И именно долженствование выступает у него первичным и исходным элементом структуры правового переживания, а субъективное право является коррелирующим ему притязанием. Л.И. Петражицкий отвергал понимание притязания как стремления к реализации индивидуального эгоистического интереса. Право, как и нравственность, у него имеет целью благо и процветание общества и духовно-культурное воспитание человечества. Субъективные права по Л.И. Петражицкому – это социально оправданные и, более того, социально полезные потребности, подлежащие удовлетворению за счет обязанного лица. Л.И. Петражицкий не разделял либеральное понимание прав человека как притязаний на индивидуальную свободу. Его социальный идеал всеобщей деятельной любви, выступающий целью воспитательного воздействия права, предполагал изживание, нивелирование как раз тех сторон человеческой психики, которые находят свое проявление в таком понимании прав человека.

В параграфе 2.4 «Права человека и философия утилитаризма» подчеркивается, что утилитаризм в своем исходном бентамовском варианте формировался во многом в противовес учению о естественных и неотчуждаемых правах человека. При этом сама идея утилитаризма содержательна и выражается в определенных нравственных требованиях, в

соответствии с которыми должно быть устроено общество и осуществляться законодательное регулирование, что не стыкуется с позитивизмом. Однако гносеологически и онтологически утилитаризм развивается в общем русле позитивистской методологии. Основным принципом права И. Бентам считал принцип полезности, понимаемый как обеспечение «наибольшего счастья наибольшему числу людей», что достигается посредством воздействия законодателя на человека через страдания и удовольствия в качестве стимулов к надлежащему поведению. Современные утилитаристы исходят из того, что целью права является обеспечение максимального уровня благосостояния в обществе, причем общее благосостояние определяется как функция от благополучия отдельных индивидов. Утилитаристы утверждают, что все права, которыми обладает человек, производны от решений законодателя, т.е. существуют, лишь поскольку они признаны объективным правом, и могут быть им признаны, только если удовлетворяют требованию полезности.

При этом сам принцип полезности несовместим с идеей прав человека, так как с точки зрения утилитаризма важно не удовлетворение индивидуальных желаний и предпочтений, а максимизация средней полезности (совокупного благополучия или счастья). В стремлении к этому утилитаризм игнорирует индивидуальную свободу и равенство, признавая, что интересами (благополучием, счастьем) отдельного человека можно пренебречь в целях увеличения общей пользы. Показательно, что наглядной моделью общества, организованного на принципах утилитаризма, социологи считают Паноптикон И. Бентама – разработанный им проект организации инспекционного учреждения, предназначенного для содержания под надзором различных категорий лиц, где люди полностью лишены свободы и упорядоченно и дозированно получают удовольствия или (при нарушении установленного порядка) страдания.

Особняком стоят утилитаристские концепции Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера, которые признавали естественные неотчуждаемые права человека и их обеспечение считали важнейшей и безусловно необходимой

составляющей благополучия человека и общей полезности. В целом представления Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера тяготеют скорее не к утилитаризму, а к либерализму, и в них четко прослеживается влияние идей Дж. Локка.

В параграфе 2.5 «Современные социологические трактовки прав человека» подчеркивается, что они, в отличие от концепций солидаристов и евразийцев, не являются правоотрицающими. Права человека здесь рассматриваются как его социально оправданные и социально признанные притязания на те или иные социальные блага. Права человека производны от его принадлежности к сообществу и обеспечивают включенность в него. Именно социальное признание определенных притязаний человека придает им статус прав человека, их позитивация (закрепление в конституциях и законах) вторична и лишь обеспечивает им большую юридическую определенность.

Современные социологические концепции прав человека исходят из того, что права нельзя формально отличить от других интересов. Из этого следует неопределенность и беспредельность притязаний, которые могут быть признаны (равно как и не признаны) правами человека. Какие-либо нравственные, религиозные и в целом концептуальные основания прав человека отвергаются как метафизические. В итоге это может привести к предельной субъективизации прав человека, когда в качестве них предлагают признавать любые индивидуальные потребности (К. Дузинас). Но доминируют различные политические, функциональные, инклюзивные, институциональные и т.п. концепции прав человека, в рамках которых права человека трактуются как производные от существующих в обществе институциональных механизмов и процедур их защиты и сводятся к требованию надлежащего обращения со стороны государства и общества, что, в свою очередь, обуславливается надлежащим поведением самого субъекта права. Весьма показательной в данном отношении является рассмотренная в параграфе статусная концепция достоинства личности Л. Валентини.

Такое понимание прав человека позволяет атрибутировать их не только людям, но и животным, да и вообще всему существу. При этом возможность противопоставления человеком своих прав сложившимся общественным представлениям и практикам не акцентируется и не поощряется, что лишает права человека их исходного социального назначения – служить ему защитой в том числе и от существующего правопорядка.

В целом все позитивистские концепции прав человека не рассматривают их как самостоятельное и первичное юридическое явление, не производное от институциональной организации общества и объективного позитивного права.

В главе 3 «Непозитивистские интерпретации прав человека» анализируются их различные варианты.

В параграфе 3.1 «Исходные либеральные основы представлений о естественном характере прав человека» показано, что истоки непозитивистских концепций прав человека лежат в естественно-договорных теориях происхождения государства, развивавшихся философами Нового времени. Для обоснования естественного характера прав человека, которыми он обладает в силу своей природы, а не по воле верховной власти, они использовали умозрительную конструкцию естественного дополитического состояния, когда все люди были свободны и равны друг другу. Естественное право, причем, в современной терминологии, и в объективном, и в субъективном смысле, отождествлялось ими со свободой человека, под которой понималась его возможность поступать по своей воле и разуму в отсутствие внешних препятствий для этого. Учение о правах человека существенным образом трансформировало само понимание естественного права, обозначив переход от типичного для Античности и Средних веков представления о нем как о надлежащем социальном порядке, разумном устройстве мироздания, соответствующем природе вещей, в который включен человек, к характерному для Нового времени выведению принципов такого мироустройства из природы человека и его неотъемлемых прав, что

обусловило выделение объективистского и субъективистского течений в естественно-правовой школе.

При этом сразу обозначилась и диверсификация теорий естественных прав человека, точнее, их судьбы в политически организованном обществе. Если у Т. Гоббса они едва ли не полностью отчуждаются в пользу суверена, а у Ж.-Ж. Руссо абсолютно поглощаются Народом (неотъемлемой частью которого человек становится) и его общей волей, то по Дж. Локку именно сохранение и надлежащие гарантии естественных прав человека оправдывают существование государства и одновременно определяют пределы его власти. Исходная либеральная интенция, присущая учению Дж. Локка, нашла воплощение в первых конституционных актах, закреплявших права человека, и теоретической конструкции правового государства.

В параграфе 3.2 «Религиозное понимание прав человека» утверждается, что, несмотря на очевидность религиозного обоснования естественности прав человека как производных от воли Бога, а не мирской власти, религиозные истоки индивидуализма, на котором базируется идея прав человека, не следует переоценивать. Индивидуализм имеет гораздо более давнюю историю и зарождался еще в примитивных языческих верованиях, которые были магическими по своей природе и предполагали эквивалентный и договорный характер взаимоотношений с высшими силами. Религия же, напротив, постулирует вручение человеком себя во власть Всевышнего. Изначально христианский индивидуализм распространялся только на отношения человека с Богом и проникал в мирскую жизнь постепенно, под влиянием идей Возрождения и Реформации. Признание свободы и самоценности каждого человека было следствием скорее определенной секуляризации социальной жизни в этот период, чем утверждения тех или иных религиозных постулатов.

В религиозном понимании права человека производны от естественного права, воплощающего в себе Божественный разум и волю, они призваны обеспечивать в первую очередь общее благо и Божественную справедливость, а не свободу и самоопределение человека.

В параграфе 3.3 «*Этические трактовки прав человека*» отмечается, что светские непозитивистские концепции прав человека, как правило, утверждают их моральную природу и моральную оправданность с точки зрения некоторой универсальной или партикулярной системы нравственных представлений. Однако абстрактность и оспоримость универсальных моральных ценностей (например, обосновываемых Дж. Финнисом) и выводимость требований партикулярной морали из принятых в том или ином сообществе представлений о должном и правильном (например, у Р. Дворкина) сближают этические трактовки прав человека с социолого-позитивистскими, поскольку перечень и содержание прав человека здесь также зависит от особенностей социальной и правовой системы, в рамках которой они осуществляются. При этом права человека рассматриваются как неотъемлемые составляющие общего блага, и первичным оказывается наличие у человека обязанностей по отношению к сообществу и его общему благу, соблюдение которых «выгодно» для самого человека, ибо обеспечивает и его права. Данный подход, как и социолого-позитивистский, не позволяет объективно определить притязания, которые могут квалифицироваться как права человека, и, следовательно, в конечном счете ставит это в зависимость от усмотрения власти.

Существенной спецификой отличается трактовка моральных прав Г. Хартом²⁸, которая во многом продолжает либеральную традицию Дж. Локка. Г. Харт придает правам человека вполне конкретное содержание, позволяющее отграничить их от иных моральных притязаний. Он сводит их к равному праву всех людей на свободу и понимает как нечто, принадлежащее индивидам, составляющее в некотором роде их «моральную собственность». Причем признание за человеком конкретных прав у него не зависит от

---

²⁸ Понимание естественных прав человека как моральных прав в целом совместимо с юридическим позитивизмом (особенно мягким или инклюзивным, допускающим включение в позитивное право морального содержания), что позволяет развивать соответствующие концепции и теоретикам, в целом придерживающимся позитивистских представлений о праве.

характера и моральной оценки соответствующих действий и обосновывается исключительно равным правом всех людей быть свободными. Г. Харт подчеркивает, что моральные права человека образуют особую сферу морали и отличаются от других фундаментальных моральных понятий. По сути, применительно к правам человека у Г. Харта происходит юридизация морали. Показательно и то, что Г. Харт не считал необходимым как-то обосновывать наличие у людей морального права на равную свободу, полагая это самоочевидным.

В параграфе 3.4 «Либертарная концепция прав человека» показано, что она также развивается в русле локковской традиции. В.С. Нерсисянц и его последователи рассматривают права человека как притязания на формально равную с другими меру свободы в государстве и обществе. Права человека в данном понимании определяют параметры справедливого правопорядка, который является максимально абстрактным и формализованным, что обеспечивает людям возможность морального и религиозного самоопределения, самостоятельно выбирать убеждения и соответствующий им образ жизни, требуя при этом уважать аналогичный (в том числе противоположный) выбор других членов общества. Именно в либертарной концепции наиболее отчетливо выражено социальное назначение прав человека – служить ему защитой от ненадлежащих социальных практик, необоснованно ограничивающих его свободу.

Своеобразную интерпретацию в рамках либертарной концепции получает и идея общего блага как цели политической организации и допустимого основания ограничения прав человека. Общее благо трактуется не как некое исходно заданное отчужденное и самодовлеющее благо абстрактного или конкретного социального целого (общества, государства, социальной группы), а как необходимое условие совместного социального бытия, позволяющее каждому члену сообщества на формально равной основе свободно реализовывать свое частное благо (интересы, волю), т.е. правовой порядок, обеспечивающий каждому равную меру свободы при социальном

взаимодействии, а потому и воплощающий в себе одновременно и общий интерес (общее благо), и индивидуальный интерес и благо каждого.

В главе 4 «Права человека как предмет юридической догматики» обосновываются базовые подходы к юридико-догматической конкретизации содержания прав человека и способы ее осуществления.

В параграфе 4.1 «Рационализация и формализация как специфика юридико-догматической интерпретации прав человека» подвергнуты критическому анализу эпистемологические установки неклассической рациональности, предполагающие рассмотрение прав человека в широком социогуманитарном контексте, исходя из необходимости обеспечения индивидуализированной справедливости с учетом конкретных условий их реализации. Доказывается, что такой подход ведет к искажению смысла и социального назначения права как специфического регулятора, обеспечивающего формализацию социального взаимодействия, его предсказуемость и правовую определенность, «размывает» юридическое значение прав человека и снижает их регулятивный потенциал. Обосновывается, что права человека нуждаются в собственно юридическом изучении и рациональной юридико-догматической интерпретации.

В параграфе 4.2 «“Открытый характер” прав человека: особенности позитивации и проблемы интерпретации» показано, что права человека закрепляются в конституционных и международных актах в крайне общих, абстрактных формулировках, не позволяющих делать однозначные выводы о содержании гарантируемого права. Конкретизация содержания прав человека происходит только в процессе их обеспечения и защиты, когда суды, по сути, «создают», конституируют содержание конкретных прав, определяют их допустимые способы реализации и необходимые ограничения. Такой «открытый характер» прав человека можно рассматривать как частный случай «открытой текстуры» (“*open texture*”) юридического языка, обоснованной Г. Хартом. Однако он имеет под собой не только лингвистические (как у Г. Харта), но и собственно юридические основания и обусловлен

надпозитивностью прав человека. «Открытый характер» прав человека делает невозможным использование традиционных юридико-догматических способов толкования закрепляющих их нормативных текстов. Ориентация исключительно на них не позволят снять неопределенность содержания прав человека и имплицитно означает принятие позитивистского (легистского) подхода к их пониманию. Конкретизация содержания прав человека в судебной практике происходит посредством обращения к их общему смыслу и социальному назначению.

Параграф 4.3 «Категоризация и тест на пропорциональность как способы конкретизации содержания прав человека» посвящен анализу данных методик и проблем их использования в судебной практике.

Категоризация прав человека предполагает формирование их понятия, отличие их от иных притязаний и интересов, а также понятий конкретных прав, определение содержания охватываемых ими притязаний, пределов их защиты и допустимых ограничений. Такая категоризация производится как судами в процессе разрешения конкретных споров, так и на доктринальном уровне. К недостаткам данного способа принято относить его субъективность, а отсюда и возможность различных, порой противоречивых, «категоризаций».

Второй способ конкретизации содержания и пределов осуществления и защиты прав человека – так называемый тест на пропорциональность – процедура проверки обоснованности установленных ограничений прав человека. Тест на пропорциональность является одним из способов практического применения основополагающего принципа права – принципа соразмерности. В диссертации показано, что принцип соразмерности имманентен самой природе права и прав человека, он выражает требование формально равного ограничения свободы каждого члена общества как необходимого условия совместного социального бытия. Опора на принцип соразмерности и производный от него тест на пропорциональность позволяет избежать крайностей реалистического подхода к толкованию прав человека, обращение к которому провоцирует их «открытый характер».

В главе 5 «Права человека и смежные юридические понятия: согласование интерпретаций» уточняется смысл юридических понятий, используемых при юридико-догматической интерпретации прав человека.

В *параграфе 5.1 «Ценностная интерпретация прав человека: правовые проблемы»* отмечается, что ценность выступает одним из базовых понятий, используемых для общей категоризации прав человека, и ценностная интерпретация прав человека широко распространена в доктрине и судебной практике. Однако она порождает немало проблем, обусловленных неюридической природой ценностей, которые всегда основаны на субъективных оценках, неуниверсальны, не определяют параметры допустимости действий, направленных на их реализацию, и несоизмеримы (приверженность ценностям носит безусловный характер и не допускает их умаления). Апеллирование к ценностям в теоретическом и практическом юридическом дискурсе не способствует согласованию интересов (в частности, существенно осложняет использование судами теста на пропорциональность), а только повышает конфликтность разрешаемых проблем, переводя их в плоскость морального выбора, жизненных смыслов и приоритетов, где какие-либо компромиссы наименее возможны, а любые ограничения крайне болезненны. Кроме того, трактовка прав человека как ценностей ставит их в один ряд с другими юридическими понятиями, также признаваемыми ценностями, нивелируя их собственный юридический смысл. В диссертации проанализированы проблемы, сопряженные с использованием ценностной интерпретации прав человека в юридической доктрине и судебной практике.

В *параграфе 5.2 «Права человека как принципы права»* обосновывается, что права человека функционируют как принципы права – наиболее общие и абстрактные правовые нормы, которые не фиксируют конкретные правила поведения, а лишь указывают на основания, из которых эти правила должны выводиться, критерии и требования, которым они должны соответствовать. Понимание прав человека как принципов права обусловлено их надпозитивным и «открытым» характером.

Права человека как принципы права требуют безусловной реализации. Она осуществляется на основе принципа соразмерности и теста на пропорциональность, который структурирует аргументацию при выведении из принципов конкретных правил. Права человека и иные производные от них принципы права выполняют функцию обоснования решений по установлению конкретных правил в процессе как правотворчества, так и правоприменения; они выступают основой для судебного толкования правил и контроля за их конституционностью, ограничивая дискреционную власть законодателя и суда и одновременно обеспечивая пластичность и адаптивность правового регулирования в условиях современного динамизма общественных отношений.

В параграфе 5.3 *Диалектика объективного и субъективного права в понимании прав человека* показано, что естественные неотчуждаемые права человека одновременно выступают и как правовые нормы, фиксирующие их принадлежность любому лицу, и как субъективные права, реализуемые в так называемых общих или абсолютных правоотношениях, где управомоченному лицу противостоят все иные субъекты права в качестве лиц, обязанных не нарушать его право. Порядок осуществления этих первичных правовых норм / субъективных прав конкретизируется вторичными правовыми нормами, а на их основе при соответствующих обстоятельствах у конкретных лиц возникают вторичные субъективные права, реализуемые в конкретных правоотношениях. Естественные неотчуждаемые права человека (первичные субъективные права и первичные правовые нормы) образуют общий правовой статус человека. Вторичные правовые нормы определяют специальный правовой статус – совокупность прав и обязанностей (вторичных субъективных прав), которые может приобрести любое лицо в той или иной конкретной ситуации, регулируемой правовыми нормами. Специальный правовой статус – это правовые нормы, описывающие определенную социально-правовую роль, в которой при соответствующих условиях может оказаться любой субъект права. Вторичные субъективные права, приобретенные и реализуемые

конкретным лицом на основании вторичных правовых норм, образуют его индивидуальный правовой статус. Индивидуальный правовой статус в отличие от общего и специального представлен исключительно субъективными правами; он всегда персонифицирован, ситуативен и изменчив, так как отражает множество социально-правовых ролей (специальных правовых статусов), в которых в тот или иной момент выступает конкретный субъект права.

Диалектическое единство объективного и субъективного права, воплощенное в таком понимании прав человека, позволяет уточнить содержание и соотношение целого ряда юридических понятий, таких как правоотношение, субъект права, правоспособность, дееспособность, публично-властное полномочие, законный интерес, что и сделано в диссертации.

В параграфе 5.4 *«Эффективность правового регулирования в контексте обеспечения прав человека»* обосновывается, что под ней следует понимать предоставление максимальных гарантий прав человека при минимальном их ограничении. Свобода человека в данном случае выступает синтезированным показателем, через который выражаются и цели, и результаты правового регулирования, и ресурсы, за счет которых они достигаются. Предложенное понимание эффективности правового регулирования позволяет преодолеть проблему несопоставимости целей, результатов и затрат, которые в рамках инструменталистских проходов к определению эффективности выражаются в качественно разнородных показателях. Кроме того, такое понятие эффективности правового регулирования операционально, причем его операционализация возможна не только в рамках конкретно-социологических исследований, но давно и достаточно успешно осуществляется на практике посредством использования теста на пропорциональность в ходе проверки органами конституционного контроля соразмерности установленных ограничений прав человека.

Глава 6 «Система прав человека» посвящена проблемам классификации прав человека как необходимой составляющей их комплексного исследования.

В параграфе 6.1 «Основания классификации прав человека: критический анализ» показано, что большинство известных классификаций прав человека базируются не на сущностных, а на формальных критериях, таких как субъекты прав, исторический период и способы их юридического закрепления, сферы и порядок реализации и т.п. Все предлагаемые в доктрине классификации довольно условны и не позволяют четко распределить существующие права по выделяемым группам. Обосновывается необходимость систематизации прав человека исходя из специфики их юридической природы, характера образующих их притязаний.

В параграфе 6.2 «Поколения прав человека» анализируется концепция трех поколений прав человека К. Васака. Он предпринял попытку систематизации прав человека исходя из специфики их содержания, соотнося его с тремя лозунгами Французской революции – свободой, равенством и братством. Однако при этом сущностный критерий классификации сопрягался у К. Васака с хронологическим, который использовался не вполне корректно (заявленная последовательность признания прав человека разных поколений на национальном и международном уровнях исторически подтверждается не в полной мере). Кроме того, к правам третьего поколения К. Васак относил различные морально-политические требования (право на мир, разоружение, справедливое мироустройство и т.п.), которые не могут быть интерпретированы как собственно права человека. Нельзя признать удачным и сам термин «поколения прав человека», он весьма условен и метафоричен, создает видимость вытеснения правами новых поколений старых прав и не отражает сущностного различия прав трех поколений. Несмотря на серьезную критику, классификация прав человека по поколениям достаточно прочно утвердилась в доктрине и содержит в себе правильный исходный посыл – акцентирование содержательной специфики различных прав человека.

В диссертации обосновывается модифицированный вариант классификации прав человека по поколениям, когда за основу берется исключительно их юридическая природа и выявляется не хронологическая последовательность, а логическая взаимосвязь разных поколений прав. Специфика прав человека каждого поколения раскрывается в следующих параграфах данной главы.

В параграфе 6.3 «Естественные неотчуждаемые права человека (права первого поколения)» данные права характеризуются как выражающие притязания на формальную свободу. Они носят дозаконотворческий и внезаконотворческий характер; законами они не создаются, а лишь официально признаются, конкретизируются и защищаются. Виды, специфику и взаимосвязанность притязаний, образующих права первого поколения, хорошо отражает классификация субъективных публичных прав, определяющих статус человека, разработанная Г. Еллинеком.

Негативные права (*status negativus*) – это притязания человека на неприкосновенность сферы своей свободы во всем многообразии ее проявлений; они выражают требования, адресованные государству (органам и лицам, наделенным публично-властными полномочиями) и частным лицам, воздерживаться от действий, препятствующих человеку в реализации его свободы. Данные права осуществляются как в частной, так и в публичной сфере.

Позитивные права (*status positivus*) образуют притязания на государственную судебную и полицейскую защиту *status negativus*; они включают право на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство (и соответствующие процессуальные гарантии), право на обращение с жалобами и петициями, право на возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц, и т.п.

Status activus (право избирать и быть избранным, право на участие в референдуме, право петиции, в том числе выдвижения народных законодательных инициатив, право на доступ к государственной службе)

конституирует активного гражданина, обеспечивая участие в институционализации и осуществлении государственной власти. Именно в данных правах воплощается идея народного суверенитета. Одновременно *status activus* наряду со *status positivus* (образующие их права) выступают гарантиями *status negativus*.

В параграфе 6.4 «Социальные права человека (права второго поколения)» они трактуются как притязания на социальную защиту со стороны государства и общества. Права второго поколения призваны обеспечивать фактические (материальные) возможности пользоваться правами первого поколения и корректировать чрезмерные проявления социального (фактического) неравенства, порождаемые последовательной реализацией принципа формального равенства как равенства в свободе. В отличие от прав первого поколения они не являются естественными и неотчуждаемыми. Первичные социальные права (в том виде, как они закрепляются в конституциях и международно-правовых актах) функционируют лишь как первичные правовые нормы, обязывающие государство обеспечить предоставление социальных выплат, услуг, гарантий и т.п. в соответствии с выраженными в них принципами, определяющими его социальную политику. Конкретные индивидуальные притязания социального характера являются вторичными субъективными правами, возникающими только на основе закона. Юридическое значение первичных социальных прав сводится к тому, что они выступают ориентирами для законодателя и основаниями и критериями для контроля конституционности социального законодательства.

В силу обусловленности предоставления социальных прав экономическими возможностями государства и целым рядом иных социально-политических факторов они плохо поддаются категоризации. И осуществляя конституционный контроль, конституционные суды обычно опираются не только на собственно социальные права, но и на затрагиваемые при этом права первого поколения (на уважение человеческого достоинства, собственность, справедливое судебное разбирательство и др.), а также на общеправовые

принципы равенства, правовой определенности, соразмерности и склонны предоставлять законодателю широкую свободу усмотрения при регулировании вопросов обеспечения социальных прав.

В параграфе 6.5 «Коллективные права социальных общностей (права третьего поколения)» отмечается, что данные права реализуются в отношениях между естественно сложившимися социальными общностями (как правило, этническими), которые и являются их субъектами. К ним относятся право нации (этнической общности) на внутреннее или внешнее самоопределение; право нации на историческую родину, т.е. на самоопределение на территории, с которой исторически связано ее формирование; право народа на сопротивление правонарушающей власти, т.е. установленному публичному порядку, при котором не защищаются права и свободы человека и соответствующая административная практика поддерживается высшей властью; право народа на развитие, т.е. притязание на помощь в социально-экономическом и культурном развитии со стороны экономически более успешных государств. Права третьего поколения представляют собой своего рода проекцию прав первого и второго поколений на отношения между социальными общностями и призваны их юридизировать. Вместе с тем их собственно юридический характер является спорным, и они пока не обеспечены действенными юридическими гарантиями.

В параграфе 6.6 «Новые права человека и новые поколения прав» обосновывается, что предложенная классификация прав человека по трем поколениям способна охватить и так называемые новые права (цифровые, соматические, репродуктивные, генетические когнитивные, нейроправа и др.), которые формируются прежде всего в связи с развитием современных технологий. Все они производны от «традиционных» прав человека и по своему характеру могут быть отнесены к одному из трех поколений или «разложены» на притязания, относящиеся к различным поколениям. В диссертации это показано на примере юридико-догматического анализа

цифровых прав (права на доступ к Интернету, права на защиту персональных данных, права на забвение) как наиболее разработанных и востребованных.

Постоянная пролиферация прав человека – неизбежное следствие социального развития. Но представление аспектов «традиционных» прав человека, актуализированных развитием современных технологий, как принципиально новых видов прав не способствует лучшему их обеспечению и даже может ослабить предоставляемые гарантии, поскольку их новизна и самостоятельность остаются дискуссионными, а значит, может ставиться под вопрос и необходимость их защиты. Именно четкое понимание юридической природы новых прав человека как прав первого, второго или третьего поколений либо выделение в содержании комплексных прав соответствующих притязаний позволяет определить характер обязательств, обеспечивающих их реализацию, необходимые и допустимые ограничения, адекватные средства защиты.

В заключении диссертации подводятся итоги выполненного исследования, формулируются выводы, к которым пришла автор, определяются перспективы дальнейшей разработки темы, выявляются наиболее актуальные проблемы, требующие внимания ученых.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и главы в монографиях

1. Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: монография / Н.В. Варламова. – М.: ИГП РАН, 2024. – 624 с. (39 п.л.).
2. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права / Н.В. Варламова. – СПб.: АО «Славия», 2010. – 140 с. (11,38 п.л.).
3. Варламова Н.В. Нормативность права: между должным и сущим / Н.В. Варламова // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами: коллективная монография / под ред. И.И. Осветимской, Е.Г. Самохиной. – СПб: Скифия-принт, 2024. – С. 162–197. (2 п.л.).
4. Варламова Н.В. Толкование актов о правах человека: неизбежность судебного усмотрения / Н.В. Варламова // Толкование права: классика и

постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2024. – С. 269–284. (1 п.л.).

5. Варламова Н.В. Право на благополучие: между классической и неклассической рациональностью / Н.В. Варламова // Критические теории права: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.И. Осветимской. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 282–292. (0,7 п.л.).

6. Варламова Н.В. Ценности ЕС и национальные ценности государств – членов Союза: проблемы юстициабельности / Н.В. Варламова // Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. – М.: ИГП РАН, 2023. – С. 49–69. (1,4 п.л.).

7. Варламова Н.В. Современный конституционализм – конституционализм ценностей? / Н.В. Варламова // Конституционализм: универсальное и национальные измерения: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. – М.: ИГП РАН, 2022. – С. 17–36. (1,25 п.л.).

8. Варламова Н.В. Обоснование прав человека как ахиллесова пята юридического позитивизма / Н.В. Варламова // Как возможна логика в праве?: коллективная монография / под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 263–282. (1,1 п.л.)

9. Варламова Н.В. Права человека: многообразие универсальных обоснований / Н.В. Варламова // Права человека: между прошлым и будущим: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – С. 13–43. (1,9 п.л.).

10. Варламова Н.В. Современное понимание прав человека и его отражение в судебной аргументации / Н.В. Варламова // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП; Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 159–182. (1,5 п.л.).

11. Варламова Н.В. Непозитивистские интерпретации прав человека: эволюция подходов / Н.В. Варламова // Трансформации прав человека в современном мире: монография / отв. ред. А.Н. Савенков. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 74–94. (1,3 п.л.).

12. Варламова Н.В. Принцип соразмерности как основание разрешения «парадокса свободы» в правовом регулировании / Н.В. Варламова // Эффективность правового регулирования: монография / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. – М.: Прогресс, 2017. – С. 106–120. (1 п.л.).

13. Варламова Н.В. Методологические проблемы современной юридической науки / Н.В. Варламова // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 220–261. (2,5 п.л.).

14. Варламова Н.В. Конституционный статус человека и гражданина: понятие и формы регламентации. Современные модели конституционного регулирования прав и свобод человека / Н.В. Варламова // Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 115–143. (2 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

15. Варламова Н.В. «Горизонтальный эффект» конституционных прав как институционализация социальной солидарности / Н.В. Варламова // Российская юстиция. – 2024. – № 12. – С. 64–74. (0,96 п.л.).

16. Варламова Н.В. Права человека как принципы права / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 6 (157). – С. 146–171. (2,34 п.л.).

17. Варламова Н.В. Всеобщая декларация прав человека: философско-культурологическое осмысление универсальности установленных стандартов / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 4. – С. 10–31. (2,25 п.л.).

18. Варламова Н.В. Права человека и «юриспруденция ценностей» / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 6 (151). – С. 11–45. (3,25 п.л.).

19. Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве / Н.В. Варламова // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 57–67. (1,26 п.л.).

20. Варламова Н.В. Понимание конституционности в философско-правовом дискурсе: мнимые и подлинные альтернативы / Н.В. Варламова // Вопросы философии. – 2022. – № 4. – С. 25–36. (1,1 п.л.).

21. Варламова Н.В. Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация / Н.В. Варламова // Антиномии. – 2022. – № 2. – С. 73–95. (1,64 п.л.).

22. Варламова Н.В. Открытый характер прав человека: особенности позитивации и проблемы интерпретации / Н.В. Варламова // Российская юстиция. – 2021. – № 4. – С. 48–55. (0,9 п.л.).

23. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 9–46; № 5. – С. 141–167. (4,2 п.л.).

24. Варламова Н.В. Публичная власть: попытка концептуализации / Н.В. Варламова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 18–25. (0,9 п.л.).

25. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 83–124. (2,65 п.л.).

26. Варламова Н.В. Публично-правовое представительство: теоретические аспекты / Н.В. Варламова // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 5 (30). – С. 508–517. (0,93 п.л.).

27. Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4. – С. 76–115. (2,3 п.л.).

28. Варламова Н.В. Представительные органы публичной власти: содержание понятия / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2012. – № 1. – С. 5–18. (0,75 п.л.).

29. Варламова Н.В. Политическая философия утилитаризма и доктрина прав человека / Н.В. Варламова // Государство и право. – 2012. – № 9. – С. 93–97. (0,76 п.л.).
30. Варламова Н.В. Западная правовая культура: уникальность или универсальность? / Н.В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 93–104. (1,5 п.л.).
31. Варламова Н.В. Конституционализм: вариативность понятия / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5 (84). – С. 48–57. (1 п.л.).
32. Варламова Н.В. Религиозные основания западной правовой культуры / Н.В. Варламова // Вопросы правоведения. – 2011. – № 2. – С. 59–76. (1 п.л.).
33. Варламова Н.В. Третье поколение прав человека? / Н.В. Варламова // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 9–18. (0,97 п.л.).
34. Варламова Н.В. Конституционный статус человека: современные модели и тенденции регулирования / Н.В. Варламова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2010. – № 6. – С. 75–92. (2,84 п.л.).
35. Варламова Н.В. Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями / Н.В. Варламова // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 46–48; № 15. – С. 44–47; № 16. – С. 41–44. (1,4 п.л.).
36. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы / Н.В. Варламова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 68–84. (1,6 п.л.).
37. Варламова Н.В. Личные и социальные права: взаимодополнение или конфликт? / Н.В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2009. – № 5. – С. 88–98. (1,1 п.л.).
38. Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 4 (71). – С. 152–166. (1,5 п.л.).
39. Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации / Н.В. Варламова // Государство и право. – 2009. – № 2. – С. 24–29. (0,8 п.л.).
40. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции / Н.В. Варламова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 212–232. (1,9 п.л.).
41. Варламова Н.В. Права человека: попытки интегративной интерпретации / Н.В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 6 (67). – С. 99–110. (1,13 п.л.).
42. Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека / Н.В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 156–166. (1,3 п.л.).
43. Варламова Н.В. Юрисдикция государства как основание ответственности за обеспечение прав и свобод человека (практика Европейского Суда по правам человека) / Н.В. Варламова // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 34–39. (0,7 п.л.).
44. Варламова Н.В. Непозитивистская концепция юридической догматики: постановка проблемы / Н.В. Варламова // Российское правосудие. – 2007. – № 10 (18). – С. 4–14. (1 п.л.).

45. Варламова Н.В. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека / Н.В. Варламова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 4 (41). – С. 94–109. (2,25 п.л.).

Статьи в иных периодических изданиях и сборниках

46. Варламова Н.В. Права человека как «недостаточно теоретически обоснованные соглашения» / Н.В. Варламова // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы» (г. Москва, 27–28 мая 2022 г.) / под ред. О.Ю. Рыбакова. – М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 27–41. (0,95 п.л.).

47. Варламова Н.В. Право на благополучие как следствие применения идеографической методологии постмодернизма в юриспруденции / Н.В. Варламова // Роль права в обеспечении благополучия человека: сборник докладов IX Московской юридической недели: в 5 ч. – Ч. 1. – М.: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 273–277. (0,34 п.л.).

48. Варламова Н.В. Универсальные правовые концепты в советском социально-политическом контексте / Н.В. Варламова // Ideology and Politics Journal. – 2021. – № 2 (18). – Р. 30–56. (2,25 п.л.).

49. Варламова Н.В. Деэссенциализация прав человека в современном юридическом дискурсе / Н.В. Варламова // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: сборник научных трудов по результатам международной конференции (Минск, 3–4 мая 2019) / под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск: Академия МВД, 2019. – С. 32–38. (0,4 п.л.).

50. Варламова Н.В. Человек как частное лицо и член политического сообщества: актуализация идей К. Маркса в современных интерпретациях прав человека (размышления над статьей «К еврейскому вопросу») / Н.В. Варламова // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса. К 200-летию со дня рождения К. Маркса: сборник статей по материалам конференции / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. – С. 98–107. (0,9 п.л.).

51. Варламова Н.В. Права человека и суверенитет государства / Н.В. Варламова // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: материалы двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2018. – С. 85–93. (0,7 п.л.).

52. Варламова Н.В. Права человека: постсоветские представления в контексте современных тенденций интерпретации / Н.В. Варламова // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: сборник статей по материалам научной конференции. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 45–66. (1,3 п.л.).

53. Варламова Н.В. Принцип правовой определенности как выражение социального назначения права / Н.В. Варламова // Определенность и неопределенность как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII международной научной конференции: в 3 ч. – Ч. 1. – М.: РГУП, 2018. – С. 162–170. (0,66 п.л.).

54. Варламова Н.В. Этизация понимания конституционных прав и свобод человека: опыт критического осмысления / Н.В. Варламова // Верность Конституции: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. – М.: РГУП, 2018. – С. 157–167. (0,6 п.л.).

55. Варламова Н.В. Публичный интерес как основание ограничения прав человека / Н.В. Варламова // Интересы в праве. Жидковские чтения = Interest in Law. Zhidkov's readings: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М.В. Немытина. – М.: РУДН, 2017. – С. 207–215. (0,6 п.л.).

56. Варламова Н.В. Тест на пропорциональность как универсальная процедура проверки обоснованности ограничений прав человека / Н.В. Варламова // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конференции: VI Московская юридическая неделя, XI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XVII Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного ун-та имени М.В. Ломоносова (МГУ): в 4 ч. – Ч. 1. – М.: Проспект, 2017. – С. 444–449. (0,5 п.л.).

57. Варламова Н.В. Толкование конституционных прав и свобод человека: современные тенденции / Н.В. Варламова // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конференции: VI Московская юридическая неделя, XI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XVII Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного ун-та имени М.В. Ломоносова (МГУ): в 4 ч. – Ч. 1. – М.: Проспект, 2017. – С. 286–291. (0,7 п.л.).

58. Варламова Н.В. Обеспечение прав человека как критерий эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж 02 – 04 июня 2016 г.) / отв. ред. В.В. Денисенко. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 43–56. (1,05 п.л.).

59. Варламова Н.В. Тест на пропорциональность как формализация юридического дискурса о допустимости ограничений прав человека / Н.В. Варламова // Правоприменение как искусство и наука: материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. – М.: Норма, 2016. – С. 69–75. (0,7 п.л.).

60. Варламова Н.В. Принципы права как выражение единства предмета юриспруденции / Н.В. Варламова // Актуальные направления анализа права и правопедения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2015. – С. 122–126. (0,2 п.л.).

61. Варламова Н.В. Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий / Н.В. Варламова // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. – М.: Статут, 2014. – С. 4–30. (1,7 п.л.).

62. Варламова Н.В. Принцип пропорциональности в современной конституционно-правовой доктрине и практике / Н.В. Варламова // Современный

конституционализм: Теория, доктрина и практика: сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 65–76. (0,7 п.л.).

63. Варламова Н.В. Социальные обязательства государства: проблемы конституционного закрепления / Н.В. Варламова // Конституция и экономика: материалы круглого стола 1 октября 2012 г. / под ред. И.А. Алебастровой. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. – С. 91–112. (1,14 п.л.).

64. Варламова Н.В. Социальная политика или социальные права? / Н.В. Варламова // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секции теории государства и права, философии права: сборник тезисов / отв. ред. Т.Н. Радько, Л.А. Демина. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2012. – С. 28–33. (0,34 п.л.).

65. Варламова Н.В. Социальная хартия и Европейская Конвенция как инструменты защиты социальных прав / Н.В. Варламова // История. Право. Политика. – 2011. – № 1. – С. 28–41. (2 п.л.).

66. Варламова Н.В. Субъективное право и смежные юридические категории / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – № 3. – 2010 / под ред. А.В. Полякова. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. – С. 8–42. (2,8 п.л.).

67. Варламова Н.В. Юридическая природа прав человека разных поколений и ее влияние на их обеспечение и защиту / Н.В. Варламова // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д.В. Дождева. – М.: Статут, 2011. – С. 27–62. (3 п.л.).

68. Варламова Н.В. Конституционализм как система институциональных гарантий прав человека / Н.В. Варламова // Философия права и конституционализм (материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца, 2 октября 2009 г., Москва) / отв. ред. В.Г. Графский, М.М. Славин. – М.: Институт государства и прав РАН, 2010. – С. 60–86. (1,3 п.л.).

69. Варламова Н.В. Характер и пределы обязательств государств в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод / Н.В. Варламова // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: итоги и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, 20–21 октября 2010 года / под ред. Т.А. Сошниковой. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2010. – С. 45–52. (0,65 п.л.).

70. Варламова Н.В. Государственность как результат социально-исторического развития наций / Н.В. Варламова // Государство: многомерность восприятия (к 80-летию профессора Л.С. Мамута) / отв. ред. Л.Е. Лаптева. – М.: NOTA BENE, 2009. – С. 78–91. (1 п.л.).

71. Варламова Н.В. Механизмы защиты социальных прав в рамках Совета Европы / Н.В. Варламова // Европейская социальная хартия: вызовы и реальность: материалы международной научно-практической конференции 20 октября 2009 г. – М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2009. – С. 24–29. (0,43 п.л.).

72. Варламова Н.В. Механизм обеспечения и защиты прав человека первого и второго поколений: сравнительный анализ / Н.В. Варламова // Методологические проблемы сравнительного правоведения (Жидковские чтения): Материалы всероссийской научной конференции. 27 марта 2009 г. – М.: РУДН, 2009. – С. 138–157. (0,97 п.л.).

73. Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – № 1. – 2008 / под ред. А.В. Полякова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. – С. 43–66. (1,94 п.л.).

74. Варламова Н.В. Три поколения прав человека как разные формы опосредования свободы / Н.В. Варламова // Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2009. – С. 190–208. (1,1 п.л.).

75. Варламова Н.В. Принцип правовой определенности и требования к позитивному праву (по материалам практики Европейского Суда по правам человека) / Н.В. Варламова // Российский ежегодник сравнительного права. – № 1. – 2007 / под ред. Д.В. Дождева. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2008. – С. 46–86. (3,4 п.л.).

76. Варламова Н.В. Принцип формального равенства как основание диалектического снятия противоположности метафизических и позитивистских интерпретаций права / Н.В. Варламова // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М.: Институт государства и права РАН, 2008. – С. 25–47. (2,4 п.л.).

77. Варламова Н.В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права / Н.В. Варламова // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г. Графского) / отв. ред. Л.Е. Лаптева. – М.: NOTA VENE, 2008. – С. 60–74. (1 п.л.).

78. Варламова Н.В. Позитивистские трактовки прав человека / Н.В. Варламова // Права человека и современное государственно-правовое развитие / отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. – М.: Институт государства и права РАН, 2007. – С. 249–271. (1,2 п.л.).

79. Варламова Н.В. Предметно-методологическое единство и дифференциация теоретического знания о праве / Н.В. Варламова // Ежегодник либертарно-юридической теории. – Вып. 1 / ред.-сост. В.А. Четвернин. – М.: Издательство «ТЕИС», 2007. – С. 9–25. (2 п.л.).

80. Варламова Н.В. Учение о правах человека в контексте различных типов правопонимания / Н.В. Варламова // Проблемы понимания права: сборник научных статей: Серия: Право России: новые подходы. – Вып. 3. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 118–142. (1,1 п.л.).

81. Варламова Н.В. Право и мораль как базовые социальные регуляторы: проблема соотношения / Н.В. Варламова // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. – С. 275–293. (1,1 п.л.).

82. Варламова Н.В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) / Н.В. Варламова // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки / под ред. Р.А. Ромашева, Н.С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 269–300. (1,72 п.л.).

83. Varlamova N. Legal Positivism and Human Rights / N. Varlamova // Social Sciences. – 2008. – Vol. 39. – No. 3. – P. 129–141. (1,3 п.л.).